

Дмитрий Гавриленко

Рукотворный

СТИХИ И ПОЭМЫ

Дмитрий Гавриленко

Рукотворный. Стихи и поэмы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23931645

ISBN 9785448324499

Аннотация

Эта книга искренне отразила не только мои чувства и жизненный путь, но и субъективное восприятие эпохальных потрясений, которым я оказался невольным свидетелем. Каждый свой поступок в творчестве, любое движение сердца я сверял с традицией, завещанной Пушкиным, всеми силами стремился соответствовать её духу. «Рукотворный» будет интересен тем, кого интересует «золотой век» нашей литературы и его современное восприятие.

Содержание

От автора	7
Брянская тетрадь 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Рукотворный Стихи и поэмы

Дмитрий Гавриленко

© Дмитрий Гавриленко, 2017

ISBN 978-5-4483-2449-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Семнадцатилетним студентом Суражского педагогического училища послал я свои стихи известному поэту и критику, профессору Литературного института им. М. Горького Льву Озерову. У меня почти не было надежды на отклик столь маститого литератора. И тем не менее ответ пришел. Не только ответ, но и небольшая серая книжка избранной лирики с дарственной надписью под собственной фотографией: «Дмитрию Гавриленко на добрую память от автора». Размашистая округлая подпись сделана обыкновенной шариковой ручкой – у меня же осталось впечатление, что поэт подписался по старинке – гусиным пером. Это было живое ощущение связи с неувядающим миром русской классики. Светлой традиции я старался следовать и в своём творчестве, которое отразило не только личные потрясения, но и общественные, переполошившие всех.

Брянская тетрадь¹

Детство

Вечереет. Прохладно за дверцей,

---

¹ Стихотворения, вошедшие в «Брянскую тетрадь», впервые были опубликованы в газете «Маяк» (г. Новозыбков), «Брянском комсомольце», «Брянском рабочем», журналах «География в школе», «Арион», «Юность», газетах «Сельская жизнь», «Сто друзей» (приложении к «Учительской газете»), альманахе «Юность плюс».

А в кабине – тепло и уют,
Запах сена приятен для сердца,
Струны сердца здесь песню поют.
Лес, шатаясь шумней и быстрее,
В кузов лапу протянет сухую
И бросает метелки пырея
То в одну колею, то в другую.
Как живые, деревья... И в прятки
Все играют в древесной мечте,
Наступая друг другу на пятки
В надвигающейся темноте.
А когда мы в деревню приедем,
Я, свернувшись в машине как прут,
Засыпаю... И снится, что следом
Сосны наши потери несут.

1974

Зелёное

Я не знаю его названия:
Мелкий лист и зеленый стебель,
А над ним сухостой названивает
В постаревшем, уставшем небе.
Но когда черной почвы месиво
И морозцу не одолеть,
Зелень свежая смотрит весело,
Как цветов букет на столе.

1974

Первый снежок

Легкий снежок пролетел над землей
Множеством звездочек, дружной семьей.
Первый, пушистый, как враг, осторожен,
Землю спешил приголубить порошей
И успокоить. За ним прилетели
Юные вьюги, седые метели.

1974

Весенний дождь

Высокий дождь прошел селом
Да за околицей по ямам.
И снова солнце расцвело,
И одуванчик засветил упрямо.
Весенний дождь не плачет, а поёт.
Он улыбается сквозь грозы
И отправляется в полет
В тот мир, куда растут березы.

1974

Деревья в городе

Здесь не слышно щебета и гвалта.
Шорох шин прервется на минуту —
Ветви шелестят, к земле пригнуты:
Благодарность вечному приюту,
Благодарность прочному асфальту.
Но и эти ветви как свирели!
И природе кажется самой:
Из лесу деревья прилетели
И вот-вот отправятся домой.

1975

***

Оставила ты свет в душе моей:
И трепетный, и негасимый след,
Который не исчезнет от дождей,
Которому плевать на ярость лет...
Оставила ты свет в душе моей.

1975

У погибшей дороги

Я стою у погибшей дороги.
На колдобинах желтых и серых
Нет машинных следов — только ноги
Человека и зверя.
Шелестят на обочине вязкой

Три березы, а рядом – могилки,
Спят кресты в рушниковых повязках
Да пустые бутылки.
И не верится без колебаний,
Как смогли незаметно исчезнуть
Все дома, и антенны, и бани?!
Словно канули в бездну...

1975

Черёмуха

За околицей
Блестит черемуха,
С рассветом солнечным
Одна у омута.
И пусть в волнах она
Вся черной кажется —
Соцветья белые
В узоры вяжутся.
В узоры вяжутся,
Как будто вышиты
На фоне розовом
Под синей крышею.
Внизу мальчишками
Порой изломана —
Как церковь светлая,
Царит у омута.
И беззащитная,

И безответная,
Для злых и добрых глаз
Равно заметная.
Моя здесь родина,
Леса знакомые,
И сердце каждый раз
Цветет черемухой.

1975

***

Один в лесу. И тишина вокруг.
В руке зажата гулкая граната.
Подует ветер, светел и упруг, —
Осины зашумят листвой крылатой.
Он, партизан, стремился в том бою,
Сберечь не только собственные тропы,
Спасти не только Родину свою —
Освободить от варварства Европу.
И длится память, время теребя,
У подвига бессмертного масштаба.
Ведь никого из вражеского штаба
Он не оставил жить после себя!

1975

***

И тихая, а ночь живет.
Укрытая тяжелым ветром,
Она, мне кажется, вот-вот
Воспламенится черным светом.
Луны и Сириуса нет,
А на снегу сияют тени,
Как продолжения корней,
Растущих в космосе растений.

1976

***

Твердой тропке не десять годков,
А наверное, десять столетий.
Охраняют ее с двух боков
Зимы, осени, вёсны и лета.
Но тропинка выводит к мосту.
Раньше ветхим он был, деревянным,
И берег под собой красоту,
Разливавшуюся океаном.
Нынче речка – один из ручьев,
Мост над нею висит из бетона.
Здесь услышу не грохот и рев,
А подобье железного стона
И увижу с моста в полный рост
Времена, что давно миновали.
Много было страданий и слез,
Но и тропка, и речка, и мост

Гармонично сосуществовали.

1976

***

Терпко пахнет зеленый укроп
В конце огорода,
Нарублю я поленницу дров,
Поправлю ворота.
Вот корова пришла с молоком —
Символ, всюду понятный.
Этот мир называют мирком.
А он – необъятный.

1976

***

Вся жизнь в труде, и труд ей даже снится,
Как бригадир, стучавшийся в окно.
Приподнята в избушке половица
Над ямой, где картофеля полно.
Знакомы только местные названья
Лесов и трав, речушек и канав,
А родила и вырастила Ваню,
И он теперь – всемирный космонавт.

1977

За сошкой

Ложку к черту – за сошку
Я возьмусь за свою,
Посажу я картошку
И ее воспою.
Не для денег работа,
Не для славы стихи.
Тяжко – каплями пота —
Искупаю грехи
Тех, кто в город уехал,
Кто деревню губил,
Кто находит утеху
В переводе чернил.
В этом есть постоянство,
С ним придет мастерство.
Я от плоти крестьянства,
Я – от сердца его.

1977

***

Исчезла тьма, но не осталась
Душа ни черною, ни белою.
Шел листопад – ему казалось
Собаки по асфальту бегают.
Год в лагере, а жизнь – в расцвете,

Искусство свастикой представлено.
И кто за это все в ответе?
Тень Гитлера? Иль может – Сталина?

1977

Создатель

Не по прихоти случайной
Автор был не лыком шит.
Видел явно, как и тайно,
В ком душа войны лежит.
Тёркин, Тёркин, чей порядок
Обеспечил маету —
Разорвавшихся снарядов,
Беспощадных, слепоту?
Ведь создатель твой толковый
И настойчив, и силён.
Для военных – подполковник,
Для народа – маршал он.

1978

***

И лапы у ёлок упруги,
И крик бесполезен, и ругань.
Сбивается конь от натуги
Не криком, а лешим напуган.

Тут сумрачно все, и усилья
Копыт и колес незаметны.
Взметнулся из лужи на крыльях,
Закат угрожающе-медный.
Но в березняке грязь подсохла,
Валежник трещит, а телега...
Обмотаны оси осокой,
Да это уже не помеха.

1978

Пороша

Узнал ее глаза. Вернулся в детство сказкою,
Схватил за луч знакомый. Вот она со мной.
Всем холодом, и теплотой, и ласкою,
Всем космосом и щедростью земной.
То звездочкой, то искрой, то соринкою,
То спаренной пушистою звездой...
Пороша нежная, как ноша материнская,
Пороша мягкая, как матери ладонь.

1978

Бабье лето

Бабье лето плывет
Паутиною в доли.
Вот веселый народ —

Ребятишки из школы.
Выпускник за рулем,
Он шофер экстра-класса.
«Эй, садись, подвезем
До десятого класса!» —
Крикнет он малышу,
Пятикласснику Феде.
Тот залезет под шум,
На машине поедет.
И ни капли вражды,
Ни обид, ни печалей.
У большой борозды
Дружно слезут вначале,
По два станут на ряд,
Солнцу выставив спины,
Поля пестрый наряд
Убирая в корзины.
И пройдут до конца —
До опушки осенней,
До золотого крыльца
В золоченые сени.
«Можно и отдохнуть», —
Только скажет учитель —
Свой у каждого путь,
Диким хмелем увитый.
Федя ягоды рвет,
Собирает орехи.
Бабье лето плывет
И в лесу – без помехи.

1978

Лес зимою

Маленький, сверкающий,
Добрый, как уют,
Зайчикам напуганным
Он дает приют.
А вблизи присмотришься —
Кажется: застыл
На границе с небом
Белый богатырь.

1978

Первопуток

По первой пороше
На лыжах скользят
Цепочки упрямых,
Румяных ребят.
Задорных мальчишек
Совсем не страшит,
Что снег мокроватый
Для лыж как магнит.
Толпой посмотрели
В усталом бору
Рябинку с плодами

На знобком ветру.
Вот гриб разглядели
У ветхого пня...
Как чёрная лента —
За ними лыжня.

1979

***

Автобус тащится едва
Из города без торжества:
Он переполнен до отказа.
Здесь неуютно головам,
Ногам, и мыслям, и словам —
Все просит о просторе разом.
Там трактора и птичьи трели,
Искрится пашня, как стекло.
И шум, и тихо, и светло,
И собрались на пир апрели.

1979

***

Не убьете меня. Не найдете.
Я живу в темных водах Лох-Несс.
Снятся волны до самых небес,
Ну а в небе – русалка в полете.

Обожженные солнцем народы!
Как спокойней, светлей и вольней
В ненадежной стихии моей
Вне надежных законов природы!

1979

***

*Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.
Сергей Есенин*

«Ходить здесь надо осторожно.
Вот в легкой зелени пырея
Сверкает будто бы дорожка —
Канавы топкая, чернея,
Где трактор землю грыз, а ныне
Стена отвесная нависла.
Здесь летом душно, как в пустыне,
И воздух тут от пыли кислый,» —
Рассказываю терпеливо
Ученикам про жизнь болота,
А солнце сверху – с рыжей гривой:
От пыли стерлась позолота.
Раскрылась пасть – корми машину.
Мелькает торф, как будто птица.

Я в передышку фото выну —
Миг, что ушел и ночью снится.
И в нем, беспечный и бездумный,
Устойчиво, как скифский камень,
Стоит мальчишка, чуть угрюмый,
С привычными к труду руками.
Ходить не будет осторожно:
Он знает, где среди пырея
Сверкает будто бы дорожка —
Канавка топкая, чернея.
Он видел, как слегка у края
Уж воду колыхнул в карьере.
Он рос, трудясь, а не играя,
Открыт добру, любви и вере.
Когда менялся запах лета
На предосенний, предморозный,
Для девочки чернявой Светы
В болото лазил за рогозом.
Но вот крутнулась пыль по следу,
И торф – на новую машину.
Работают устало дети,
Я с ними гну на солнце спину.
И кажется, что на коне...
Так нет, здесь кони не проскачут.
Живет и будет жить во мне
Мальчишка, верящий в удачу.

1979

Возвращение

Были клятвы, но не было крови.
Помню, в тених широких стволов
Первый раз целовал твои брови,
Растерявшись от счастья, без слов.
И теперь вот последние метры,
Вот и свет сквозь вечернюю мглу.
Здесь по-прежнему теплые ветры
Те же песни поют на углу.
Длинной кроны дырявые тени,
И в тени, под заборной доской,
Слабый голос – красавицы Жени,
Сильный голос – мужской.
Стал я тихо в глуши поворота.
Да, бесспорно, целует она
Да и, кажется, глупое что-то
Шепчет в ухо, совсем как жена.
На пороге двусмысленной славы,
Как за пазухой Бога, лежит,
А над ними, как страж многоглавый,
Вяз раскинул взволнованно щит.
Сквозь обиду, и злобу, и муку
Мщенье в сердце просилось, маня.
Положил я тяжелую руку
На холодную пряжку ремня.
Но меня одолела измена,
Сокрушила коварством она,
Неожиданная непременно

И, как волчья натура, темна.
Неувядшую ветку сирени
Пронесу до вокзала в руке.
Ты – прощай, их защитник смиренный,
В неуютном пустом городке.

1979

***

Я спросил – да сам же и ответил.
Жил слепым, а ныне – как провидец.
Понял все, что раньше не заметил,
От чего смутился бы Овидий.
Подменили у тебя ресницы,
Вцеловали новый запах в шею...
Мир такой открылся – не приснится
Ничего безжалостней, страшнее.

1980

***

А в сумерках молодой мотылёк
Бросался на свет, по стеклу скользя.
Я от тебя безнадёжно далёк,
Ни прозреть, ни увидеть нельзя.
И помнится, в давние времена
Без многозначительных фраз

Я по стеклу твоих глаз
Понял – нас разделяет стена.

1980

***

Я в светлой роще шел с тобой,
Шли вперемешку с листопадом,
И лес казался черным адом,
Веселым солнцем залитой.

Опять гуляю в роще той,
Нахмуренной, с печальным взглядом,
С созревшим на растеньях ядом,
Но в сердце праздник золотой.

Не потому, что без тебя
Согреет холод ночи лютой
С промокшей неживой листвой...

Под взоры темные опят
Я понял в тихом неуютe,
Что без тебя я – сам не свой.

1980

Здесь много простору...

Здесь много простору, и тихо,
И вовремя кончился снег.
Метель осторожной портничой
Поправила шубку сосне.
С утра без тепла – мы устали
И самую малость грустны.
На небо похожими стали
Опушки, поляны, кусты.

1980

Непокорная

Ах ты, черноволосая,
Светлоглазая!
Солнышко мое росное,
Ноченька ясная...
И непокорная,
Да крылья – новые.
Вокруг все леса сосновые,
Ты – как березка черная.

1980

Некстати

Опять некстати выпал снег.
В морозном воздухе апреля
Замолк беспечно детский смех,

Молчат капли-менестрели.
И только мы с тобой вдвоем,
Мой вечный друг, теперь в ударе.
Под ослепительным окном
По очереди – на гитаре.
Но я играю про весну
И радость бытия и встречи,
Ты – про неверную жену,
И у тебя рыдают плечи.
Ведь сила в музыке трубит,
Грудь разрывающая, как осколок.
И дом ваш надвое разбит,
И на куски твой дом расколот.

1980

Я спрятался в дожде...

Я спрятался в дожде, я в камышах,
Я очутился там, где мокрый ветер.
Со мной слух, зренье, тело и душа.
И представленье о померкшем свете.
Неясно вижу голос далека,
Прекрасно слышу стебля колыханье
И знаю: для меня струит река
Серебряное чистое дыханье.
В душе моей шумит широкий дождь,
В дожде шумит душа, дыша над ухом.
Замерзну я – всех сотрясает дрожь,

Хотя вокруг нехолодно и сухо.

1981

Ослеплённый тобою

Нет гармонии – есть красота.
Ты живое тому подтвержденье.
Воду пить и с лица, и с листа,
Если лес – это месторожденье.
Дама в белом, а ты – в голубом,
Улыбаешься критской мадонной.
Слышен шепот: «Совет да любовь!» —
Из какой-то эпохи бездонной
На исчезнувшем праязыке.
Я стою, ослепленный тобою,
Возле древности и вдалеке,
Без доспехов и рядом с толпою,
Созерцающей сфинкса впотьмах.
Силу львиную в теле любимой,
Силу страсти и чувства размах,
Страсти южной и неистребимой.
Где гармония? В чем красота?
Для кого сотворили кумира
На печати не шире перста,
Удлинившегося на полмира?
Перси, плечи – и все на века
Уцененное пыльной планетой.
Если место рожденья – река,

Легче легкого быть неодетой.
Прошептать неживые слова,
Оживить их своей ворожбою,
Не догадываясь сперва,
Что воспрянут они над собою.

1981

***

И луна, словно фара, светит,
Затмевая подфарник-звезду,
И морозный январский ветер
Яблонь пальчики трет в саду.
Мне с тобой эта ночь – как в мае,
Только в нем – ни в каком другом.
По-весеннему принимаем
Жуткий мир, ледяной кругом.

1981

***

Я – исконный упрямый прохожий,
Беззащитен, одухотворен.
Все дороги на свете мои,
И леса исхожу, и тропинки.
Ведь оседлая жизнь – для звезды,
Да и то я узнал, наблюдая, —

Звезды, падая, ярче горят.
И в груди – неумное счастье!
Отпылают цветы на полянах —
Наливаются золотом листья,
И тогда уж непросто березку
Отыскать в этом тихом костре.
Ну и главное я понимаю:
Путь ведет человека не в небо,
Но всегда – к человеку другому.

1981

***

А хорошо звездой далекой быть,
Как островком, и в океане плыть.
Не в луже на машине-развалюхе,
Не в утлой душегубке по реке —
Стать полноправной частью мирозданья,
На зависть людям с неба засиять.
Но существуют здесь и неподвластны
Земному, пусть и дерзкому, уму:
Большое солнце, прячущее звезды,
Песчинки-звезды, прячущие тьму.
Не так ли мелочь жизни – суета?
Она, невзгод скрывая темноту,
Одновременно заслоняет небо.
И только ночью может вдруг присниться
Порнозвезда (ее другим не видно).

Звезда, хотя ее в пространстве нет.

1981

***

Береза черная растет,
Ко мне протягивая ветку
И листья грустные на ней.
Ты для меня – святая ночь,
Я кланяюсь всему святому,
Я вслушался в ее слова:
«Ты негр своей семье и другу,
Я – негритянка для сестер,
И потому на тень похожа
И закрываю травам небо».
Деревья говорить не могут!
Береза черными устами
Не верещала, а вещала
Простое устное вранье.
И чувствую: на голове
Фуражку поднимают волосы,
Как будто я на тень похожий
И закрываю людям солнце.

1981

Перед законами жизни

В прошлом году
Ты казалась мне
Елкой в лесу,
А теперь —
Елкою в комнате.
Это такая ужасная разница,
Такой ужас,
Что даже игрушечный Дед Мороз
Скорчил гримасу,
Осознавая
Мою беспомощность
Перед законами жизни
И хаосом в них.

1982

Сущности

Иду пешком,
А ездил
На телеге и в автобусе,
Троллейбусе и метро.
Летал
На качелях и в самолете,
Что столетье назад
В совокупности
Было бы невозможно.
В этом я вижу
Сущности

Человека и века —
Практичного и эклектичного,
Шумного и умного.

1982

Под вязом

Мы с тобою ничуть не стареем.
Осень, осень, приди поскорее,
Осени эпохальным крылом.
Этот вяз молодой под окошком
Мне приходится близким немножко:
Мы с рождения рядом живём.
Ну и корни мои глубоки!
Здесь мы с вязом совсем как дружки
Средь извечных полей золотых.
Пусть лепечет дряхлеющий клён —
Не под ним, а под вязом рождён
Мой занозистый, истинный стих.

1982

На призывной комиссии

Сказала просто, Словно «суп остыл»:
– Спусти трусы.
Пошупала яички.
Ты, как в бане душевной, распотелся

И засомневался, что когда-то
Ходили наши предки
Нагишом.

1983

***

А много ль значит дерево одно?
Обнесено оградой,
Да не защищено.
Сейчас его спилили,
И детство,
Что прошло под этим клёном,
Широким в роскоши,
Роскошным в широте,
Раскинуло доверчиво ладошки,
Цепляясь за чугунную ограду.

1983

***

Расцвели засохшие сады
Не от солнца, не от Первомая.
Почему – я сам не понимаю —
Расцвели засохшие сады.
Может быть, весенняя вода
Корни и сердца их воскресила.

Всем на свете, как святая сила,
Может быть весенняя вода!

1983

***

Родничок – не волшебник, а чудо.
Он растет неизвестно откуда
В ослепительных залежах мела,
Над которыми круча присела.
Здесь тропинка – с пути не собьешься,
Сердцу – холодно, если напьешься.
Я стою, очарован избушкой,
Что побелена вечной старушкой.

1984

***

В небесах – опустевшая синь,
Полетела листва на опушки.
Знаю я, что от горьких осин
Горьковаты подружки-волнушки.
Но светло и просторно в лесу,
Будто солнце весну воскресило.
Здесь не волка спугнешь, не лису,
А раздетую осень России.

1984

***

Я все позабытое слышу.
Созрели тяжелые сливы
И падают гулко на крышу
К ногам лопухов и крапивы.
Избушка похожа на терем,
Высокие окна светлы.
Добавились к прежним потерям
Когда-то жилые углы.
Я слышу: умывшись росой,
Бегу на рыбалку босой...
Внести бы охапку пырея —
Постели не нужно иной,
Прилечь да забыться скорее
За чистой и прочной стеной.

1984

***

Ветер воеет, играя ветвями,
В лапах сосен теряясь, метет,
Надувая сугробы и ямы,
Нам суля от ворот поворот.
Вот промерзшая пушка-опушка

Бьет картечью и в очи, и в рот,
Лошадь тащится все же вперед —
Значит, близко лесная избушка.
Скоро будем, любимая, в ней
Губы греть у дымящейся кружки,
Становясь и теплей, и сильней.

1984

Бессмертник

Лошади и коровы
Обходят в песках бессмертник,
Мягкий и золотистый —
С запахом крови.
Стебель почти без листьев,
Так для кого же зонтик?
Песок сухой, а в небе —
Ни тучки на горизонте.
Слышал я: немцы когда-то
Скупали за соль соцветья.
В России своим солдатам
Пытались найти бессмертье.
А лошади и коровы
Обходят в песках растение,
Которому нет соседей...
Лишь сверху – печальные тени.

1985

Silentium

Уехали гости, а вот
И первый снежок – на деревья.
В деревне Прасковья живет
Да с ней по соседству – Лукерья.
К Прасковье приходит она,
Как только подоит корову.
И проговорят до темна:
От слова – к безмолвному слову.

1985

***

Ландыш – это душа нараспашку,
Свежесть и нежность,
Всей грудью дышу.
Ландыш – это душе передышка,
Перекур одинокий в лесу...

1985

***

Здесь молилась когда-то церквушка.
Купола, колокольня...
Провалилось,

Всё в землю ушло.
Только плещутся волны
Да листья кувшинок —
Зеркала на плаву,
Отразившие темное небо.
Глубина...
Хороший ныряльщик
Вынырнуть может
Там, где либерти-женщина
С факелом грозно стоит.
Провалилось сквозь землю,
А вера осталась —
Та, что в море не тонет,
В огне не горит.

1986

***

Какая скучная зима!
И бездорожье – как болото.
Ругая Господа и мать,
Шофер торчит у поворота,
Машину сторожит свою.
И даже будь ему друзья,
Мы все равно помочь не сможем.
Леском объедем колею,
По гололедице скользя,
Шепча тайком: «Спаси нас, Боже».

*Ночная рыбалка**быль*

Иван Иванович Перов

И Пётр Петрович Водолазов

В один из майских вечеров

(Им бредень дал старик Алмазов),

Шутя беспечно и легко,

Гонимые попутным ветром,

Сошлись в лесу, недалеко

От берега речушки Светлой.

Сей ручеёк прослыл рекой

С разлива бурного в апреле.

«У старой вербы глубоко», —

Перов промолвил еле-еле.

Он первый раз ходил в ночи,

Стучал зубами от испуга

И непривычки. «Помолчи!» —

Одернул Пётр Петрович друга.

Как за бухгалтерским столом,

Где он полжизни проработал,

Петрович, сразу за селом

Наметив путь, шел как по нотам.

Остановились у реки.

Излучки здесь как переулки,

А под водой лежат пески,

Что золото на дне шкатулки.
Течение шустрое, как вихрь,
Но общий колорит так беден...
Иван Иванович притих,
И стал разматываться бредень.
Река темна и холодна
С улыбкой смутной, неживою.
Тащили первый раз со дна
Мотню с корягой и травою.
Попалась пара пескарей
Да красноперок легких стая.
Повторно всё пошло скорей,
Само собой произрастая.
Одежда мокрая была
В реке приятна и теплее,
И два капроновых крыла
Раскрылись шире и смелее.
И вот из тёмной глубины,
Волнуясь, шепчет Водолазов:
«Иванович, поправь штаны —
Против течения вылазим».
Натужено упёрлась сеть,
Отчаянно согнулись спины.
Вода упрямая, как смерть,
Их не пускала из стремнины,
Песок сыпучий ускользал...
Лишь на мели пошли быстрее
И с нетерпением в глазах
Сложили створки, словно стрелы.

Мотня ползла песком бесшумным,
Храня и тину, и улов.
Всё споро делали, бездумно,
Не отгоняя комаров.
Пропеть бы радость петуху —
Другие будут на подхвате.
«О, тут не только на уху,
Коль продадим – на водку хватит!» —
Возрадовался так Перов,
Добавив в развесёлом слого:
«Пропал мой тапок и шнурок,
Ванваныч нынче разноногий».
Бросал в мешок лещей, плотву,
И окуней, и щук зубастых.
Во сне, не только наяву,
Такое видится нечасто.
И вдруг ему на спину чёрт
Метнулся, прыткий, из-за вербы!
И мрак не мрак, и спорт не спорт:
Враг наскочил коварно первым.
Но Водолазов не дрожал,
Смотрел внимательно и слушал,
Увидел вовсе не рога,
А растопыренные уши.
Шест будто прыгнул к голове,
С размаху – меж ушей, и снова...
Лиса сдыхала на траве
У ног трясущихся Перова,
А Водолазов, как чужой,

Рассматривал при лунном свете:
«Лису худющую, дружок,
Ты принял, верно, за медведя.
Да что ты так к мешку приник?
Вставай! Пушистая лисица
Жене на новый воротник
Без промедленья пригодится».
Луна искрилась, как янтарь.
Петрович сам решил устало,
Что удочки пора смотать,
Да и улов у них немалый,
Да и Перов сказал всерьёз,
Что больше в воду не полезет,
Что бредень он на ловлю нёс,
Но дома бредень бесполезен.
А впрочем, всё вполне сошло.
И выпили втроём удало
За небывалый тот улов
Да случай – тоже небывалый.
И, три стакана опростав,
От ванивановских рассказов
Сочувственно поохотал
Прославленный рыбарь Алмазов.

1986

Пузыри плывут

По асфальту вдруг зашлепал дождь —

Ноги туч, могучих и сырых.
Как хозяин, осмотрел дворы,
Дал ручьям команду, словно вождь.
Заглянул он даже и туда,
Где живет озлобленно собака,
Хоть и сообщившая о том.
Но торчит у вспухшего пруда
Перед земляникой в полном баке
Женщина под проливным дождем.
Дом ее от города далек,
А вокруг – стена или забор,
Пузыри плывут с каких уж пор,
И дрожит в большой руке кулек.

1987

Женщине

Светлый праздник зачат от мороза
Средь холодных, неласковых дней.
Будьте стойкою Вы, как береза,
И прекрасней ее, и нежней!

1987

Ночь

***

Морозная и грозная страна
Одна на всех раскинулась над нами,
Она и беспредельна, и сильна,
Окутана сиянием и снами.

Непостижима эта сторона,
Взволнована высокими волнами.
Она необъяснимо мне верна,
Но в долгой верности всегда вольна ли?

Я к ней привязан сердца глубиной!
Я не хочу, я так боюсь рассвета,
Когда в окошко смотрит ночи свет.

Я верю в темноте, что ты со мной,
Что я дождался от тебя привета,
И это нежный сказочно привет.

***

Морозная и грозная страна
Рассыпалась и вновь соединилась,
Как будто вся из мелких звезд она,
Одну мне сверху бросила, как милость.

Не зря она, как Божий лик, ясна,
Дочь скромной, вышней, целостной природы.
Я вверх смотрю и вижу: тишина
Неслышно принимает чьи-то роды.

Подарок неба ярок и богат,
Я за тебя всю ночь благодарю,
Всю бездну с разноцветными огнями.

А твой зрачок искрится, как агат,
А ночь твоя подобна январю —
Одна на всех раскинулась над нами.

***

Она и беспредельна, и сильна,
Светла в своей надземной цитадели,
Мучительно прекрасна и длинна —
Вся такова, какой ее одели.

И вся очарования полна,
Сотворена природой для постели,
Для нежности, для отдыха и сна,
Чтобы ее любили и хотели.

Темна она, и сумрачный покров
Прелестней долгожданной наготы,
Взлелеянной небесными сынами.

Вселенная – любимый теплый кров.
И ночь давно с ее детьми на «ты»,
Окутана сиянием и снами.

***

Прощай, восемьдесят восьмой!
Приехал к родным домой,
Пришел по одной из троп.
Избушка бела, как сугроб,
А в ней на столе – черный гроб,
На лавке – такой же гроб.
Землю и здесь трясло?
Не армянское ведь село.
Мирный атом тут воевал,
Стариков убил наповал.
До смерти не отрыдать.
Прощайте, отец и мать!

1988

Чернобыльский венок

*Имя сей звезде польнь; и третья часть вод
сделалась польнью, и многие из людей умерли
от вод, потому что они стали горьки.
(Новый завет, Откровение Святого
Иоанна Богослова, гл. 8, ст. 11)*

1

Воскресшие мгновенья бытия
Приблизились, и время их – настало.

Не будет мне ни жизни, ни житья,
Когда на жизнь пожалуюсь устало.

Когда скажу, что впереди – стена,
А за стеной – пространство из бетона.
Хоть вылезти из кожи, но должна
Пробиться речь из вечного затона.

Сквозь прах и страх решительность моя
Решительна, как риск проводника, —
Вот главное среди других мгновений.

Шипя, ползет из пояса змея,
И цель ее – прервать наверняка
Четырнадцать печальных откровений.

2

Четырнадцать печальных откровений —
Не много ли печали над землей,
Проснувшейся, веселой и весенней,
Пропахшей и духами, и смолой?

Я против умолчанья о грядущем,
Я против светлых сказок о былом.
Родители под черномыльским душем
Махнули, словно ангельским, крылом.

Как тень, лежу; как пень, не понимаю
Что надо мной не ветер, а беда,
Тяжелая, чугунного литья.

Подарок скорбный к Пасхе, к Первомаю
На судные и трудные года
В момент от пробужденья до бритья.

3

В момент от пробужденья до бритья
В себе и то не сможешь разобраться,
Не отличишь восторга от нытья.
Отца в дому от собственного братца.

И в небе, и в окне – полурассвет,
Вот-вот он запоеет и нечисть сгинет,
Нескромным жестом передав привет
Той женщине, что выглядит богиней

Косой-косой, а за людьми следит,
Как фарой, освещая каждый миг
Без приглашений и благословений.

А рядом с нею лишь крутой бандит —
Больной реактор, что весну настиг.
Поднял до неба пыль гигантский веник.

4

Поднял до неба пыль гигантский веник,
Замел родные души ни за грош,
И в длинной череде исчезновений,
Хоть плачь, ты ничего не разберешь.

Невидимые бойкие частицы,

Как пули, вдруг увидевшие цель, —
Всех тех, кто перед Пасхой постится
И не постится, – взяли на прицел.

Теперь и при желанье не забуду,
Как видел все и оставался слеп
В напасти, что летела напролом.

Мать расставляет чистую посуду,
На полотенце водружает хлеб...
Родители за праздничным столом.

5

Родители за праздничным столом,
Горит перед иконою лампада,
И в комнате торжественно-светло,
И за окном – как в пору листопада.

Христос воскрес? Воистину воскрес!
Яйцом крутым скатилось воскресенье,
И засияло царственно окрест,
И стало красным людям во спасенье.

Родители – друг друга обнимать.
Весь мир боготворя, растет заря
В огромное яйцо из красной пыли.

Святыми кажутся отец и мать,
И три перста – как три богатыря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.